

Подъехав к воротам Сюаньдэ, Дуань Цунчжи натянул поводья, переводя мерина на шаг. Он огляделся по сторонам и лишь в самом дальнем углу заметил длинный стол — единственное, что здесь хоть как-то напоминало о кастинге.

Пусть сам он в крупных проектах никогда не блистал, но кухню эту знал изнутри. Цунчжи с малых лет отирался в Киногороде и не раз играл в массовке. Он прекрасно понимал: когда съемочная группа приезжает на Кинобазу, счет идет на минуты, а деньги улетают в трубу с бешеной скоростью. Ни у кого нет ни времени, ни лишних средств устраивать здесь полноценные прослушивания — тем более на главные роли.

Скорее всего, прямо на улице отбирали обычную массовку или эпизодников с парой реплик.

Когда Чэнь Саньбао уверял, будто ищут актера на главную роль, Цунчжи сразу почуял неладное. И убогий вид съемочного пяточка лишь подтвердил его догадки.

Он направил коня туда. Несколько человек, стоявших поодаль, тут же обратили на него внимание. Цунчжи легко соскочил с седла. Мужчина лет сорока в поношенной панаме, сидевший за столом, поднял голову и прищурился:

— Сяо Дуань-гэ?

Дуань Цунчжи промолчал, лишь слегка приподняв бровь.

Похоже, это и был тот самый приятель А-Бао.

Видимо, А-Бао уже успел ввести его в курс дела. Мужчина небрежно указал пальцем на одного из стоявших рядом парней:

— А ну-ка, разомнитесь малец. Покажите, на что способны.

Парень не заставил себя ждать. Без лишних слов он шагнул вперед и резко выбросил правый кулак. Цунчжи уклонился легким движением корпуса, но в то же мгновение перед самым его лицом вырос левый кулак противника.

Шэн И самодовольно усмехнулся. Он был левшой, и этот козырь частенько сбивал с толку неподготовленных соперников. В мыслях он уже смаковал, как его тяжелый кулак размажет это холеное личико изнеженного красавчика.

Воздух со свистом рассек кулак. В долю секунды Цунчжи переломился в пояснице, отклонив корпус назад градусов на сорок пять, и удар прошел в каких-то миллиметрах от его носа.

Два промаха подряд мгновенно сбили спесь с Шэн И. Он подобрался, заходя на новый круг

посерьезнее, но с каждым выпадом его раздражение росло. Этот наглец даже не пытался нападать. Куда бы Шэн И ни целился, как бы изысканно ни выстраивал комбинации, противник просто уклонялся.

Хуже того — одну руку этот выскочка вообще держал за спиной.

Чистейшая игра в кошки-мышки. Любому зрителю было очевидно: парень работает вполсилы.

Впрочем, Цунчжи вовсе не собирался издеваться. Просто во время обычных тренировок в школе боевых искусств он привык щадить самолюбие соперников. Если бы он ударил в полную силу, бой закончился бы, не успев начаться.

Решив, что представление затянулось, Цунчжи наконец задействовал скрытую за спиной руку.

В пальцах он все еще сжимал короткий хлыст. Мягкий кожаный хвост был намотан на бамбуковую рукоять, так что покалечить соперника он не мог.

Хлыстик длиной едва ли превышал ладонь, но в руках Цунчжи он превратился в грозное оружие. Несколько молниеносных, едва различимых глазом движений, пара точечных ударов по предплечьям — и Шэн И замер как вкопанный. Его руки безвольно повисли вдоль тела, занемев от резкой боли в суставах. Он лишь тяжело дышал, яростно уставившись на противника.

Цунчжи небрежно салютовал ему зажатым в руке хлыстом:

— Благодарю за науку.

Исход поединка был очевиден, но уязвленное самолюбие Шэн И требовало реванша. Он зло сплюнул под ноги:

— Тоже мне, мастер! Уклоняться каждый горазд. Давай по-честному, лоб в лоб!

На ринге или на улице Шэн И привык к нормальному обмену ударами: блок, выпад, захват. Стычка же с Цунчжи оставила после себя лишь удушающее чувство бессилия.

Цунчжи лишь сокрушенно покачал головой:

— Не могу. Я боли боюсь.

Шэн И лишился дара речи.

Мужчина в панаме, прервав затянувшуюся паузу, подал голос:

— Отличная связка. Шэн, потом докрутишь движения, сделаем динамичнее.

Его слова прозвучали как окончательный вердикт. Собравшиеся вокруг зеваки поняли, что ловить тут больше нечего, вяло попрощались и побрели по своим делам. До Цунчжи донеслось, как уходящие называли мужчину в панаме режиссером Ли.

Полноправным режиссером этой картины числился Хуан Ци, так что этот Ли, скорее всего, был его вторым режиссером или постановщиком трюков.

Цунчжи подошел ближе:

— Режиссер Ли.

Тот вытащил из ящика стола выдавший виды портфель и принялся рыться в бумагах, попутно разглядывая гостя.

— Данные у тебя отличные, парень. Но почему именно в каскадеры подался? Идешь в дублеры?

— Дублеры?.. — Цунчжи на мгновение растерялся.

Выходит, А-Бао не соврал? Пусть и дублер, но все-таки главного героя.

Изначально он планировал выбить какую-нибудь крошечную эпизодическую роль, чтобы незаметно тереться возле этого столичного господина Линя — Цунчжи до сих пор не знал его точного имени — и разузнать, что именно привело того к гибели в его прошлой жизни.

Знай он заранее, что придется пахать на чужую славу, ноги бы его здесь не было.

Режиссер Ли замер, отложив бумаги, и удивленно вскинул брови:

— Так ты не знал, на что подписываешься?

— Без понятия, — сухо отрезал Цунчжи.

Ли помрачнел, не желая упускать такую находку. Хороших бойцов найти можно, но чтобы и фигура была статная, и рост подходящий, да еще и внешность киношная — большая редкость. Те ребята, которых просматривали до него, годились лишь для проходных драк на заднем плане. До Цунчжи им было далеко.

Да и лицом парень выдался — если приглядеться, прослеживалось явное сходство с ведущим актером. Ли мысленно потер руки, но вслух спросил с опаской:

— И что, на попятную пойдешь? Не станешь подписывать контракт?

— Извините, — покачал головой Цунчжи.

Играть в кино он хотел, но кривляться за чужой спиной — увольте. В былые времена многие звезды кунг-фу начинали с безликих каскадерских трюков, но сейчас индустрия работала иначе. Без лишней скромности: с его внешностью получить роль со словами и строчку в титрах было делом времени.

Работа дублера — это неблагодарный труд в тени, слишком долгий и извилистый путь к вершине.

Режиссер Ли не знал, где именно перепутал карты Чэнь Саньбао, но упускать такого самородка из-за глупого недоразумения не собирался.

Он выудил чистый лист, быстро начертал на нем цифру и развернул бумагу к Цунчжи.

— Скажу как есть: дублер нам нужен позарез. Время поджигает, платим щедро. Для начала вот столько, а если согласишься прямо сейчас, я выбью у продюсеров надбавку.

Цунчжи мазнул взглядом по цифре. Сумма равнялась примерно половине стоимости новеньких часов Vacheron Constantin. Он слабо ориентировался в расценках киноиндустрии и не мог понять, много это или мало.

— С твоим лицом в шоу-бизнесе дороги открыты, — продолжал искушать Ли. — Выручишь нас сейчас, сочтемся. Заведешь полезные знакомства, а в следующий проект я тебя уже на нормальную роль позову. Ну, как?

С этими словами он протянул Цунчжи сигарету. Тот привычным жестом зажал ее между пальцами, но поджигать не стал. Перед ним встала дилемма: стоит ли марать руки за половину швейцарских часов?

Он ведь ушел из дома, хлопнув дверь. Кормиться дальше на деньги Поместья Цинь было бы верхом лицемерия.

Сигарета в руке режиссера медленно тлела. В этот момент у крепостных ворот показалась фигура в белоснежном халате и серебряной маске. Ли указал на нее кончиком сигареты:

— Вон он, наш ненаглядный. Будешь подменять его в драках. Мальчик из очень приличной

семьи, денег куры не клюют. Глядишь, если покажешь класс, он тебе еще и от себя накинёт сверху.

Честно говоря, Цунчжи испытал легкое разочарование. В прошлой жизни эта дорама привлекала его именно филигранной хореографией боев, из-за чего он даже проникся уважением к господину Линю. А оказалось, что всю грязную работу за изнеженного мажора выполняли другие.

Он негромко хмыкнул, мысленно прощаясь с мечтами о Vacheron Constantin.

— Значит, я буду его тенью?

Режиссер Ли перевел взгляд с него на маячившего вдали актера, и лицо его на миг приняло озадаченное выражение. Кое в чем этот парень действительно не подходил на роль дублера: если поставить их рядом, он затмит главного героя без малейшего усилия.

Но выбирать не приходилось.

— Да ладно тебе, жизнь — штука непредсказуемая, — махнул рукой Ли, прочистив горло. — Кто знает, может, через пару лет этот Линь Хань сам будет у тебя на побегушках бегать в эпизодах.

Цунчжи усмехнулся. А этот помощник режиссера умеет заговаривать зубы.

Тот ухмыльнулся в ответ и постучал фильтром сигареты по лежащему на столе листу:

— Так что скажешь? По рукам?

— Последний вопрос, — протянул Цунчжи. — Меня там бить будут?

Ли окинул его взглядом с ног до головы и озадаченно цыкнул зубом:

— Ты серьезно насчет боли?

Цунчжи кивнул с самым серьезным видом. Ли искренне удивился. Каскадеры — народ привычный к синякам и переломам. И пусть внешне этот парень напоминал дорогую фарфоровую вазу, судя по его молниеносной реакции, тренировался он долго и упорно. С чего бы вдруг такая нежность?

Подавив недоумение, режиссер поспешил его успокоить:

— Обижаешь! Твоя задача — эффектно выпендриваться в кадре за главного героя. Так что бить будешь только ты.

Сегодня планировалась лишь съемка промо-фотографий, так что услуги дублера пока не требовались. Оставив арендованного мерина на попечение конюхов съемочной группы, Цунчжи размашисто расписался в контракте и направился к выходу.

Неподалеку помощник Линь Ханя раздавал съемочной группе прохладительные напитки. Проходя мимо гримерок, Цунчжи невольно услышал шушуканье местных сплетниц.

— Этот сливовый отвар из лавки на углу? Помню, он копейки стоит, юаней по десять за стакан.

— Ну ты и мелочная! Стал бы наследник миллиардного состояния высчитывать сдачу.

— Ага, его фанатки так и пищат: «Если наш кумир провалится в прокате, ему придется вернуться в свое фамильное гнездо и управлять корпорацией!»

«Если бы все было так просто...» — подумал Цунчжи. Огромная империя Линей едва ли досталась бы Линь Ханю на блюдечке с голубой каемкой.

Ему тоже всунули в руки пластиковый стакан. Цунчжи сделал глоток через трубочку и поморщился: кислятина. Домашний отвар в поместье Цинь был куда лучше.

Выйдя за ворота Киногорода, он не стал возвращаться на съемную квартиру в жилом комплексе Цзиньгуй. Вместо этого он направился к отцовскому ресторанчику, где сразу же вызвался помочь с доставкой.

Было в этом что-то ироничное. Отец Цунчжи всю жизнь проработал поваром и когда-то покорила его мать исключительно кулинарным талантом. Вот только сыну этот дар не передался ни на йоту. В детстве, помогая в семейном заведении, Цунчжи чаще всего работал на побегушках — развозил заказы.

В те годы мобильных приложений еще не существовало, и съемочные группы заказывали обеды напрямую. Развозить коробки с лапшой приходилось вручную.

Семья Чэнь Саньбао держала конюшни, и местная детвора целыми днями пропадала у них. Цунчжи с А-Бао сошлись быстрее всех. Мальчишка то и дело седлал лошадь, чтобы отвезти горячие обеды очередным киношникам. Иногда режиссеры из забавы ради даже разрешали ему мелькнуть в кадре вместе с конем.

Когда его приняли в Поместье Цинь и записали на уроки верховой езды, Цунчжи искренне обрадовался, встретив среди пресных аристократических дисциплин знакомое занятие, и тут же лихо вскочил в седло.

Но стоило ему тронуться с места, как со стороны конюшен донеслось ехидное хихиканье. Он обернулся: над ним откровенно потешались. Кое-кто пытался скрыть ухмылку, но получалось скверно.

Его уличный стиль езды, освоенный на пыльных дорогах окраины, выглядел, может, и эффектно, но с точки зрения классической школы изобиловал грубейшими ошибками.

Тренер тоже снисходительно улыбнулся и неторопливо подошел, чтобы объяснить юнцу азы посадки.

Переучиваться всегда сложнее, чем начинать с нуля. Тело Цунчжи намертво зафиксировало старые привычки, и его движения казались деревянными на фоне безупречной осанки сверстников из благородных семей.

Не успел инструктор растолковать ему первое упражнение, как его наперебой начали звать другие ученики. На самом деле у них не было никаких трудностей — им просто хотелось отвлечь наставника, чтобы подольше понаблюдать за позором приемыша.

Общими усилиями богатенькие детки добились своего: ни один из четырех дежуривших на плацу тренеров так и не вернулся к Цунчжи.

В ту пору ему было всего двенадцать. Поняв, в чем дело, мальчик упрямо сжал губы и, не проронив ни слова, продолжил тренироваться в одиночку, силясь вспомнить указания наставника.

А за его спиной то и дело раздавался негромкий, издевательский смех.

Издевательства прекратились лишь тогда, когда на плацу появился Цинь Кэ.

Накануне Цунчжи специально заходил к нему в кабинет. Цинь Кэ тогда сухо ответил, что слишком занят и не придет. Почему он передумал — оставалось загадкой.

Третий господин не стал задавать вопросов и устраивать сцен. Он молча подошел, легко взлетел в седло позади испуганного мальчишки и бережно, сантиметр за сантиметром, скорректировал его положение. Обхватив его руками, он пустил коня в галоп по бескрайнему зеленому полю, на ходу объясняя, как реагировать, если зверь понесет.

Когда Цунчжи попытался оглянуться на притихших обидчиков, над его ухом раздался холодный, ровный голос:

— У меня нет времени повторять дважды. Смотри перед собой.

Мальчик послушно выпрямился, но все же тихо буркнул под нос:

— А вчера говорил, что вообще не придешь.

Цинь Кэ резко натянул поводья, останавливая лошадь:

— Спускайся.

Цунчжи испуганно обернулся, его глаза округлились. Наступив на собственную гордость, он взмолился:

— Ну ладно вам, дядя Цинь! Пошутил я, честное слово. Не буду больше!

Цинь Кэ молча разглядывал его несколько секунд, после чего выдохнул:

— Держи поводья. Показываю, как правильно садиться.

Цунчжи понимал, что после утреннего инцидента на дороге его лицо рано или поздно мелькнет в новостях, но никак не ожидал оказаться в топе поисковых запросов уже к обеду. Рассматривая завирусившуюся гифку, на которой он эффектно гарцевал на коне, парень остался вполне доволен ракурсом.

Интересно, видел ли это Цинь Кэ? В конце концов, именно он когда-то вылепил из него первоклассного наездника. Цунчжи ощутил укол мальчишеской гордости: когда-то Третий господин сидел у него за спиной, а сегодня он сам может спасти незадачливых прохожих на ходу.

Спустя восемь лет все до единого уроки сурового наставника наконец-то пригодились ему на практике.

<http://bllate.org/book/18330/1765566>